

фантастическая
история

Книги Алексея Фомина
в серии «Фантастическая История»

Цикл

«Миры «новой хронологии»

ВРЕМЯ МОСКОВСКОЕ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕЛИКОГО ВОЕВОДЫ

ЖРЕБИЙ ОКАЯННЫЙ. БРАСЛЕТ

МОСКВА, 2013

фантастическая
история

Алексей Фомин
Жребий окаянный.
Браслет

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ф76

Фомин А. Н.

Ф76 Жребий окаянный. Браслет: Фантастический роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 313 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1349-2

И вновь «охотники во времени» отставного разведчика Лобова выходят на тропу войны против сущностей из мира «темной материи». Покой им даже и не снится. Ведь на кону не только судьба современной России, но и всего человечества. И... ох, как же непросто адаптироваться в новом времени, в новой исторической обстановке. Непросто, даже оказавшись в прошлом в роли высокопоставленного вельможи. Какая же судьба тогда может ожидать нашего современника, оказавшегося в эпоху Ивана Грозного нищим, бездомным мальчишкой? Сумеет ли он выжить в новом для себя мире и выполнить боевое задание?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1349-2

© Фомин А. Н., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

I

Валентин с трудом разлепил набрякшие, словно налитые свинцом, веки. Взгляд его скользнул вдоль длинной, ровной деревянной поверхности, уходящей в полутьму. «Стол, похоже. А я — мордой, значит, на нем...» Теперь уже этот стол он не только видел, но и ощущал его твердость своей левой щекой. С трудом оторвав голову от столешницы, Валентин сделал попытку выпрямиться. Спина, шея, руки, затекшие от долгого пребывания в неудобном положении, тут же отозвались тупой, саднящей болью, а взгляд, потеряв опору в столешнице, заметался из стороны в сторону, отчего в голове все завертелось с быстро растущей скоростью, и Валентину, чтобы не потерять равновесие и не завалиться назад, пришлось опереться грудью в край стола.

«Эге, а клиент-то изрядно надрался».

Усилием воли собрав наконец в пучок глаза, разбежавшиеся в разные стороны, как элементарные частицы после Большого взрыва, Валентин оглядел помещение, в котором он находился. По большому счету, больше всего оно походило на временный павильон-палатку, которые в летний сезон вырастают в великом множестве на центральных улицах его родной Ялты. Да и в Москве их можно встретить. Летом, право слово, так приятно укрыться в их тени и выпить там не спеша кружечку-другую холодного пивка.

Три стены и высокая островерхая крыша состояли из длинных, соединенных меж собой жердей, образующих жесткий каркас, покрытый какой-то грязно-серой тканью. Четвертая стена была бревенчатой: видимо, павиль-

он примыкал к какому-то капитальному строению. Свет в палатку проникал через небольшое оконце, прорезанное в одной из стен, и через частично закрытый подвернутым пологом вход в палатку.

Прямо перед Валентином на столе стоял пузатый керамический кувшин, а рядом с ним — такой же стакан. Рука автоматически потянулась к нему. Стакан был пуст. Кувшин — тоже. В паре метров от Валентина, по другую сторону стола, уронив кудлатую башку на сложенные на столе руки, спал какой-то мужик. Перед ним тоже стояли кувшин и стакан. Больше за этим столом не было никого, но параллельно ему во всю длину палатки тянулись еще три стола. За ними сидело человек шесть — восемь, а может быть, и двенадцать. Валентину все никак не удавалось пересчитать их, и в конце концов он бросил это бессмысленное занятие, попытавшись сосредоточиться на собственном самочувствии. В голове — туман, сквозь который, как в окошке калейдоскопа, мелькают, сменяя друг друга, какие-то бредовые картинки. Желудок с неприятной настойчивостью раз за разом напоминает о себе легкими (пока еще легкими), но регулярными позывами к тошноте. Руки и ноги хоть и с трудом, но слушаются своего хозяина.

«Похоже, вселение состоялось. Но почему я не могу отделить его сознание от своего? Пил-то он... Почему же пьяным чувствую себя я?»

Валентин попробовал подняться на ноги. Хорошо еще, что и стол, и длинная скамья, на которой он сидел, были вкопаны прямо в землю (никакого пола в палатке, естественно, не было, его заменял белый речной песок). В противном случае Валентин после такой неуклюжей попытки рухнул бы наземь вместе со скамьей, а может быть, еще и стол умудрился бы на себя опрокинуть. Но, хвала всем святым, ему удалось встать и даже, крепко ухватившись за край столешницы руками, после нескольких безуспешных попыток перешагнуть через скамью сначала одной ногой, а потом и второй.

Придерживаясь одной рукой за стол и балансируя вто-

рой, Валентин мелким-мелким шажочком двинулся к выходу. Самое главное теперь — удержать равновесие, а уж скорость — дело десятое...

Тут в палатку заглянула какая-то морда и почти сразу же заорала:

— Эй, Шеляга! Слышь!.. Подь сюды! Здесь он! Нашел я!

Морда двинулась в палатку, оказавшись здоровым плотным парнягой. Следом появился чернобородый кряжистый мужик и вперился в Валентина пристальным взглядом.

— Ага, — удовлетворенно произнес он, — нашелся. А набрался-то как! И когда только успел?! — Чернобородый всплеснул руками. — Слышь, Ваньша, берем его под руки и тащим на расшиву.

И морда, и кряжистый появились в палатке явно по его, Валентинову, душу. Оба были пострижены «под горшок», одеты в прямые серо-белые рубахи-безрукавки на выпуск и того же цвета штаны, закатанные до колен. Еще Валентин успел заметить мощные икры на их босых ногах и гипертрофированные, культуристские бицепсы на голых руках. Попасть в руки этих качков Валентину совсем не улыбалось, поэтому он остановился и принялся усиленно соображать, что ему делать. А плотоядно ухмыляющиеся качки меж тем были уж совсем рядом, и Валентин не нашел ничего лучшего, как плюхнуться животом на стол и крепко ухватиться за него руками.

Качки вцепились, как клещами, в Валентиновы плечи, руки и с остервенением принялись отдирать его от стола. Валентин исхитрился и умудрился тяпнуть одного из них зубами за кисть, заставив его отдернуть руку.

— Мать-перемать... — длинно, забористо выругался укушенный качок. — Берегись, Шеляга, он кусается!

Валентин конечно же вовсе не собирался дожидаться, пока укушенный предупредит своего товарища. Сразу после удавшейся атаки он повернул голову в другую сторону, собираясь повторить тот же маневр, но уже с другим

качком. То, что он увидел, заставило его забыть о своем намерении.

Кудлатая башка того самого мужика, что блаженно спал, сидя за столом, оказалась прямо перед глазами Валентина. Но дело было вовсе не в его кудлатой башке, а в руке, на которой та башка мирно покоилась. На ее запястье красовался тот самый браслет.

«Вот это удача! — вспыхнул яркий транспарант в мозгу у Валентина, разгоняя своим светом алкогольный туман. — Надо же, как точно приземлился! Всего в двух метрах от браслета!»

Он отцепился одной рукой от стола и схватил спящего мужика за запястье. Тот так и не проснулся, лишь только промычал что-то во сне. Валентин попытался содрать с него браслет одной рукой, но не тут-то было. Тот слишком плотно обхватывал запястье, и Валентину никак не удавалось просунуть под него хотя бы палец. Тогда ему пришлось задействовать и вторую руку, чтобы наконец-то избавить кудлатого от браслета. Этим сразу же воспользовались качки: они тут же подхватили Валентина и потащили к выходу из палатки. Слава богу, он успел все-таки снять браслет и зажать его в кулаке.

Едва они выбрались из палатки наружу, как яркий солнечный свет больно ударил Валентину в глаза, заставив его зажмуриться. Нечто подобное, видимо, испытали и качки, потому что Валентин почувствовал, что они остановились и тот, что постарше и пониже ростом, сказал:

— Вот уж Ярило жарит! В такое ведро¹ ничего крепче родниковой водицы и в глотку не полезет, а этот умудрился нажраться, как свинья.

— Да уж кому как, — отозвался второй. — Мне полезло бы. Дозволили б только...

Хватка железных пальцев, сжимавших руки Валентина, ослабла. Резким движением он вырвал правую, сжимавшую в кулаке тяжелый оловянный браслет, и, не открывая глаз, с полуоборота кинул ее влево, на звук голоса.

¹ Ведро — сухая жаркая погода.

Удар пришелся во что-то мягкое, тут же отозвавшееся жалобным чавканьем, но Валентин даже не успел обрадоваться своей удаче, потому что тут же на его голову рухнуло что-то тяжелое, весом никак не меньше доброй кувалды, и бедное сознание его, и так ведущее неравную борьбу с алкогольными парами, не выдержав столь энергичного внешнего воздействия, отключилось.

Очнулся Валентин под мерные, ритмичные протяжные звуки.

— И-и... — Скрип одной металлической поверхности о другую. Голос, тянувший это самое «и», был не тих, но и не особо громок. А как бы в самый раз. Да и скрип совершенно не раздражал, а совсем даже наоборот — успокаивал. — Р-раз... — Здесь следовал короткий, но энергичный всплеск. — И-и... — Скрип. — Два-а... — Всплеск.

И все это — на приглушенном фоне струящейся воды. Для того чтобы понять, что значат эти звуки, вовсе не нужно было родиться и провести первые восемнадцать лет своей жизни в приморском городе. Это — лодка, идущая по спокойной воде. Скорее всего, немаленькая. Раз гребут по команде — как минимум три ряда гребцов.

Звук текущей воды расслаблял, успокаивал, умиротворял. Валентин различал не только всплеск взбуровленной веслами воды, но и журчание струй, послушно и прихотливо огибающих обводы корпуса лодки и даже тонкую капель с поднятых в воздух весел.

Алкогольные пары, похоже, совершенно выветрились из головы. Еще бы им не выветриться на таком свежем воздухе. И не просто свежем, черт возьми, но и вкусном. Валентин вздохнул полной грудью: да, вкусно. Ему даже не надо было слышать всех этих водяных звуков — достаточно распробовать свежего, вкусного воздуха, чтобы понять, что находится он на плывущем куда-то судне. Нет, это не море. И дело не в отсутствии качки. На море порой бывают такие штилевые дни, что в стоячем болоте волна больше. Дело конечно же в запахе. Уж запах моря он ни с чем не спутает. А здесь пахло пресной водой.

Валентин открыл глаза. Сверху — тряпка, справа, сле-

ва — тряпка и спереди, сзади — опять же тряпка. Снова палатка, только теперь — гораздо меньше. Он лежит на мешке, набитом чем-то мягким и душистым. Сеном, наверное. Кроме этого мешка в палатке еще один такой же.

Валентин перевернулся на живот и встал на четвереньки. В теле еще чувствуется легкая похмельная заторможенность, но в целом — ничего. Голова только слегка побаливает. Не разберешь, то ли с похмелья, то ли от могучего удара одного из похитивших его качков. «Точно! Качки! Они схватили и потащили меня! А браслет я держал в правом кулаке... И я залепил отличный хук одному из них, а второй дал мне по кумполу. Так где же браслет?»

Браслета не было ни в кулаке, ни на запястье, ни в одежде, ни на матрасе, ни под матрасом, нигде. Валентин похолодел. В том, что он перенесся, сомнений не было. Об этом свидетельствовало многое. Да что там многое... Всё! И сразу столько проблем! Мало ему этих странностей с объектом, собственное сознание которого он так и не смог нащупать, так еще и браслет потерялся. Конечно, он мог его не найти вовсе, тем более будучи в стельку пьян. Разве могли они с Лобовым предвидеть такое? Лобов заверял: «После перехода в прошлое и подчинения себе сознания объекта найдешь браслет. Он будет либо у тебя, либо где-то рядом». А теперь его еще и увозят от того места, где он обнаружил браслет. Валентин не был уверен, что он ему обязательно понадобится для возвращения. Может быть, и без него все получится, но, как говорится, береженого Бог бережет. Браслет надо будет найти, но для начала предстоит разобраться — кто его увозит, куда и зачем?

Валентин подполз к пологу, закрывающему вход в палатку, и слегка сдвинул его в сторону. Ничего себе лодочка! Это было длинное, низко сидящее в воде судно, с каждого борта которого сидело по двадцать пять гребцов. Валентин не ошибся в своих ощущениях: судно двигалось по реке. Не Енисей, конечно, но метров сто пятьдесят — двести в ширину есть. И что это за река? Среди гребцов Валентин разглядел и мордатого, и кряжистого, вытаски-

вавших его из павильона-распивочной. Может, прямо сейчас подойти к ним и спросить про браслет?

Валентин уж совсем собрался выбраться из палатки на палубу, когда услышал совсем рядом громкие голоса.

— Куда ж ты правишь-то, старый хрен?! Эдак, гляди, напрямиком на косу выскочим!

— Гм, гм... Ты, Ермил, лучше б своим делом занимался, чем меня учить. Ты еще под стол пешком ходил, а я уж и всю Волгу, и Оку, и Каму, и многие другие реки от устья до истока исходил. И море Хвалынское тож не раз пересекал... А ты мне тут под руку... Я ж не учу тебя, что почем покупать да почем продавать. Ишь... — Видно было, что говоривший раздосадован и разобижен выходкой первого. — Да я все мели здесь назубок знаю.

— Будет тебе, дед, обижаться. Я ж со страху, — принялся оправдываться первый. — Гляжу, летим прям на косу. Я понимаю, что ты все мели назубок... Хотя... Когда же ты успел тут побывать, когда город этот, Орел, только в этом году и построен был?

— Много ты понимаешь! Говорю, лучше своим делом займись.

— А какое мое сейчас дело? Я свое дело сделал. Зерно закупил, на расшиву доставил. Теперь дело за тобой, дед.

— Да? А за хозяйским сыном присматривать?

— А чего за ним присматривать? Он меду обтрескался и дрыхнет теперь. До завтрашнего утра и не проснется, чай.

«Хозяйский сынок, получается, это мой клиент», — отметил про себя Валентин.

— Ох-хо-хо, — завздыхал тот, которого собеседник называл дедом. — Когда ж такое было видано, чтоб в купеческой семье горький пьяница вырос? Вот уж времена... — Похоже, сокрушался он вполне искренне.

— Да будет тебе, дед. Какой же он горький пьяница? Всю дорогу от Ярославля до Орла не пил и лишь позволил себе чуток, когда мы все зерно закупленное уже загрузили.

— Всю дорогу не пил, потому что нечего было, — про-

должал настаивать дед. — Ведь ни в города, ни в села никакие мы не заходили и не останавливались. А как появилась возможность, так и напился. А дома-то он пьян каждый день. Я знаю, наслышан. Такая семья... Батюшка его день-деньской в заботах...

«Кажется, это он о семье моего клиента, — сообразил Валентин. — Вот с этого момента, пожалуйста, поподробней».

— Да будет тебе, дед, — со смешком возразил Ермил. — Семья... Батюшка... Я на его месте тоже, может очень даже быть, каждый день глаза б заливал, чтоб семью эту не видеть. Какой ему Мудр Лукич батюшка? Отчим он и есть отчим. В другой бы семье мать своего старшего новому мужу в обиду не дала, а эта своему Мудрушке слова поперек не скажет, души в нем не чает. А ведь он пришел в семью, на вдове наследство, почитай что с голым задом. Теперь у них девять своих детишек подрастает. А этот... Прибрал бы его Господь — все б только вздохнули с облегчением. К делам его Мудр Лукич не подпускает, а вздумай он долю из дела потребовать, так и вообще из дому вышибет.

— Ну все ж таки Мудр Лукич отправил его в Орел зерно закупать. И деньги доверил.

— Деньги он мне доверил, приказчику своему. И в Орел он послал, соответственно, меня. А пасынка просто усрал с глаз долой, чтоб подольше его не видеть.

— Ежели так, как ты говоришь... А нельзя ли ему через земской суд... Ну долю наследства для себя вытребовать? Мудр Лукич, слов нет, купец оборотистый оказался, но ведь митряевскую хлебную торговлю не он ставил. Не одно поколение купцов трудилось, да и родной батюшка...

— Х-ха... Земской суд, говоришь? — перебил деда приказчик Ермил. — Нет такого закона, чтобы самую большую хлебную торговлю в Ярославле разваливать... Вот помрет глава семьи, вот тогда, наследнички, делите как хотите. А чтобы при живом главе семьи дело делить... Да и

гильдия купеческая такого ни в жисть не допустит! Ведь это дозволю лишь раз! Такое начнется... Н-нет. Невозможно.

— Нет, все одно... Ты как хошь, Ермил, а выход всегда есть. Что мешает Михайле приказчиком, вот как ты, к примеру, к чужим людям наняться?

«Наконец-то прозвучало имя клиента, — отметил Валентин. Ермил же в ответ на эту реплику расхохотался:

— Да кто ж митряевского человека, тем паче сына, к себе приказчиком возьмет? Сразу видно, дед, что ты, хоть и провел с торговым народом всю жизнь бок о бок, в купеческом деле ничего не соображаешь. Потому и не стал сам купцом. Хотя мог бы.

— А на что мне? Я кормщик. И тем доволен.

— Так вот, дед. Никто к себе из наших, ярославских, к себе митряевского человека не допустит. Даже меня, ежели, положим, без работы останусь. Ведь каждый думает: «То ли работника честного беру, то ли тайного митряевского соглядатая». Ведь Митряевы за последние двести лет ни одного и не двух сожрали со всеми потрохами.

— Так и необязательно по хлебной части идти, — продолжал упорствовать дед. — Можно к суконникам попроситься или к ремесленникам податься.

— А то Митряевы мало и тех, и других проглотили? — Ермил скептически хмыкнул.

— Так они ж только по хлебной части?

— Верно, по хлебной. Но и всем остальным тоже никогда не брезговали. Лучше их никто никогда не умел довести человека до разорения и дело его перенять за копейку. Дело потом они приводили в порядок и перепродавали втридорога.

«Сейчас это называется недружественным слиянием и поглощением с последующей реструктуризацией и модернизацией бизнеса, имеющей конечной целью его рекапитализацию и дальнейшую реализацию в соответствии с новой рыночной стоимостью. Вот так вот». Здесь в своем мысленном резюме Валентин, торжествуя, поставил жирную точку. В свои двадцать девять он принадлежал к когда-то многочисленному, а ныне вымирающему

племени вечных студентов. Процесс получения им высшего образования являлся весомой и, наверное, единственной веской причиной для его стариков, по которой он уже более десяти лет «болтался», как они выражались, по съемным квартирам в Москве, вместо того чтобы вернуться домой в Ялту. Сначала учеба была для Валентина поводом, чтобы не делать этого, но со временем превратилась в нечто вроде хобби. Уж каких только курсов не довелось ему прослушать! Вот разве что по медицинской части был пробел, но на следующий учебный год он запланировал начать ликвидацию этого «белого пятна» в своем образовании. В университете никто и не думал ему препятствовать в его невинном увлечении. Ну хочет человек учиться! Так ведь платит же. Работа с Лобовым давала Валентину неплохой заработок, не говоря уже о моральном удовлетворении. Хватало и на аренду квартиры, и на учебу. Что касается всего остального, то у Валентина были достаточно скромные запросы. Еще бы! Слиперство давало ему столько эмоций, и такие, что ни за какие деньги не купишь.

Так что за последние двенадцать лет Валентин стал истинным студентом-профессионалом, умело и мудро сочетающим периоды погружения в различные науки с довольно-таки регулярно оформляющимися академическими отпусками. Но если уж он брался изучать какой-то курс, то делал это досконально, порой доводя своих преподавателей до белого каления. Нечто подобное с ним приключилось, когда довелось ему прослушать курс «Корпоративного права в странах англосаксонской правовой традиции». Частенько ему доводилось схлестываться в спорах с молодым преподавателем, читавшим этот курс. Потому-то и торжествовал сейчас Валентин, что только что из уст приказчика Ермила прозвучало доказательство его правоты в том академическом споре. «Подумаешь, Гарвард он окончил... Индюк надутый! — Преподаватель утверждал, что этот вид бизнеса получил распространение и оформился в самостоятельную отрасль лишь в последней четверти двадцатого века. А Валентин доказывал

ему, что дело не в стартовавшей тогда глобализации и новой, финансовой фазе развития капитализма. Просто в последней четверти двадцатого века общественная мораль перестала осуждать бессовестных хищников-падальщиков. Но это не значит, что таких бизнесменов и такого бизнеса не существовало раньше. И сейчас митряевский приказчик Ермил убедительно доказал это. Митряевы испокон веку занимались этим неблагоприятным делом. Купеческое сообщество за глаза осуждало это, остерегалось их, но поделаться ничего не могло. Сила солону ломит. — А кстати, испокон веку — это когда? Неплохо бы все-таки узнать, в какой год я попал».

— Все одно, Ермил, я с тобой не согласен, — продолжал упорствовать старый кормщик. — Можно и к иноземцам в работу наняться, и в люди пойти, да, в конце концов, вон... хоть гребцом наняться.

(«И раз... и раз...» — продолжал командовать Шеляга.)

Приказчик вновь рассмеялся:

— Смешной ты, дед. Ты что ж, не видал, какой он болезный да тощшой, Михайла-то? В люди пойти! В гребцы! Да он загнется через полгода от такой жизни. А так отчим ему какую-никакую копейку подбрасывают. На пьянку-гулянку хватает, а что еще душеньке надобно? Я б и сам, честно, окажись на его месте, такую б долю выбрал.

— Ох и молодежь нонче выросла... — укоризненно произнес кормщик, откровенно и искренне сокрушаясь. — Разве ж так было ране-то? Да русский человек постеснялся бы и слова такие произнести.

Ермил вновь хохотнул:

— Старики всегда на молодежь сетовали. Не та, мол, молодежь пошла, что раньше.

— Нет, не говори, Ермил, — не согласился кормщик. — Такого безобразия, как нонче, никогда и нигде не было. Когда ж такое было слыхано, чтоб государь от своего государства отказался, выделил себе опричный удел, а все остальное Земству отдал? А? Это где ж такое было? Вот тебе и молодой царь. Я так понимаю, что ежели нет у

тебя сил государством управлять, так откажись совсем, а не устраивай безобразие.

— То не нашего ума дела. — В голосе Ермила теперь не было и намека на усмешку. — За такие разговоры знаешь что опричные сделают, если кто донесет на тебя?

«Ага, опричина, земщина... Значит, попали мы точно, в нужное время. Одно только непонятно: при чем здесь молодой царь? — удивился Валентин. — Хотя...»

— А кто ж на меня донесет, Ермилушка? Здесь только мы с тобой. Хозяйский сынок спит, гребцы далеко... Разве что ты?

— Не болтай лишнего, дед. Знай себе держи кормило. Постой, постой...

— Что такое, Ермилушка?

— Погляди назад. Никак нас кто-то нагоняет. Не разбойники ли?

Некоторое время собеседники молчали, видимо вглядываясь в догонявшее судно.

— Споро идут, — раздался голос кормщика. — Лодка невелика. Вшестером на веслах, один на кормиле, один без дела на носу сидит. Мене чем через полчаса настигнут... Да ты не боись, Ермил. У нас пятьдесят человек, да у каждого дубина и нож имеются, да весла еще...

— А если у них самопалы? Да не по одному на душу?

— Не-э... Не могут быть разбойники. Разбойников надо было бояться, когда мы в Орел с деньгами шли. А теперь-то чего? Все видели, что деньги мы потратили, зерно загрузили и домой повернули. Нешто только... Зерно они надумали у нас отобрать? Да не-э... Не боись, Ермил. Не могут быть разбойники. А даже если и разбойники... Все одно их побьем.

— А ежели они подойдут да из самопалов — в упор? И еще залп? А потом перезарядят да еще? А?

— Так у нас же и денег уже нет. А зачем разбойникам столько зерна?

— А ежели они сначала стрелять будут, а потом разбираться — есть у нас деньги или нет?

Кормщик тяжело вздохнул:

— Вот о том я тебе и толковал. Нет нынче в государстве порядка, а все потому, что молодежь вся порченная пошла. Ладно... Пойди Шелягу предупреди, что к берегу приставать будем. Все равно солнце на закат пошло, придется на ночлег останавливаться. А ежели нас разбойники с самопалами догоняют, то лучше их встренуть на берегу. Скажи Шеляге, чтоб, как к берегу пристанем, четверо пущай канаты вяжут, а остальные с дубинами на берегу затаятся. А я уж разбойничков здесь, на своем месте, встрену.

— Добро, — согласился Ермил.

Звук шагов перед пологом, закрывающем вход в палатку возник так быстро, что Валентин едва успел плюхнуться на матрас и притвориться спящим. Зашуршал отодвигаемый полог.

— Эй, Михайла, проснись. — Ермил настойчиво потряс Валентина за плечо. — Проснись, к берегу пристаем.

— А-а? Чего? — Валентин старательно изобразил только что проснувшегося человека. — Чего надо-то?

— Лодка нас какая-то догоняет. Разбойники, может. К берегу сейчас пристанем. Так ты сразу сигай с расшивы да на берегу спрячься. — Дав указания, Ермил выбрался из палатки и направился на нос, к Шеляге.

Команда у деда, судя по всему, была опытной, так как не прошло и пяти минут, как расшива причалила под высокий песчаный обрыв, а гребцы укрылись на берегу, наблюдая из-за кустов за приближающейся лодкой. На расшиве остался лишь кормщик. Валентин лежал на траве рядом с мордатым веснушчатым Ванькой, сжимавшим в руках увесистую дубину.

— И че они испужались? — бубнил Ванька почти в самое ухо. — Всего-то восемь душ. Вот ужо мы их...

Валентин не реагировал на это бормотание, молча глядя, как лодка врезалась носом в песчаный берег позади их баржи и прибывшие на ней люди выходят на берег.

— Здравствуйте, добрые люди. По какой надобности путешествуете? — Кормщик решил начать разговор первым.

— Это митряевская расшива? — уточнил один из новоприбывших, не отвечая на приветствие.

— Ну...

— Я орловский губной староста. Вот этот вот достопочтенный орловский горожанин, — говоривший указал на одного из своих спутников, — утверждает, что двое митряевских гребцов похитили его наручный браслет. А слова его подтверждает служка кабацкий. Вот. — И он указал пальцем на второго.

Валентин сразу же узнал того, которого назвали достопочтенным орловским горожанином. Это был тот самый кудлатый, с чьей руки он содрал браслет. Узнал его, видимо, и Ванька, так как, едва лишь зашла речь о браслете, тут же перестал бубнить и начал внимательно вслушиваться в разговор, ведущийся у расшивы.

— Да у меня гребцов пятьдесят душ, — ответил кормщик. — Это которые же из них? Как выглядят? — Он сокрушенно покрутил головой. — Однако, не верится мне, чтоб мои воровством занялись.

— Один высокий такой, рыжий, а второй — пониже, смуглявый. Они из нашего кабака товарища своего забирали, — затараторил кабацкий служка.

— Понял, о ком речь. — Кормщик кивнул. Он приставил ладонь ко рту и крикнул: — Эй, Шеляга, Рыжий, спуститесь-ка сюда. — Сам он тоже сошел по сходням на берег и подошел к орловскому губному старосте и людям, прибывшим с ним. — Ты сам видел, что это они? — грозно спросил он, подойдя вплотную к служке.

— А кто ж еще? — слегка опешил служка. — Только они туда и подходили. Господин вот... — он указал на кудлатого, — спали. И ваш человек — тоже, но у другого конца. Вот так вот. — Он показал, как спали за столом Валентин и кудлатый. — А тут, значит, двое ваших подходят, товарища своего хватают и волокут.

— И что? — переспросил кормщик. — Ты сам видел, как они снимали браслет?

Шеляга и рыжий Ванька уже спустились к воде и, не торопясь, подходили к беседовавшим на берегу.

— Так больше некому. Никто туда боле не подходил. Только они. А господин проснулись — а браслета-то и нетути.

— Понятно, не видел. А что за браслет-то? — Он повернулся к несчастному хозяину браслета. — Небошь золотой, с лалами¹ да яхонтами? — Последнюю фразу он произнес с нескрываемым сарказмом.

— Нет-нет. — Кудлатый выглядел слегка смущенным. — Обычное олово. В палец шириной, а на нем собачка отлита.

— Говорят, вы браслет наручный взяли вот у него. — Кормщик обернулся к подошедшим Шеляге и Ивану.

— Кто?! Я?! Взял?! — заполошно заорал Ванька. — Вот глядите! — Он содрал с себя рубаху и бросил ее на песок, после чего одним рывком развязал узел веревки, подпоясывавшей порты. Они тут же свалились вниз, и Ванька предстал перед всей честной компанией в чем мать родила. Из всей одежды на нем остался лишь нательный крест.

Шеляга был не столь экстравагантен. Он лишь почесал пятерней в затылке и уверенно заявил:

— Не, не брали мы. Хошь, крест на том поцелую. — Он вытащил из-под рубахи нательный крест, поцеловал его и сказал: — Не брал я у него ничего, на чем и крест целую.

Ванька тоже поцеловал крест.

— Я к нему и пальцем не докоснулся. Я его даже и не видел, был он в том кабаке иль нет. — Ванька поднял портки и принялся подпоясываться веревкой.

— Ну вот. — Кормщик развел руки в стороны. — Не брали мои ребята.

— Пусть они с нами в Орел поедут для дознания, — не очень уверенно заявил губной староста.

— Нет, — жестко отрезал кормщик. — У меня каждый человек и каждый час на счету. Мне груз хозяину надо к сроку доставить. Хочешь, проводи здесь свое дознание до завтрашнего восхода. Хотя... Вроде уж все провели. Тут и так все ясно. Служка толком ничего и не видел, ребята

¹ Лал — рубин, алмаз.

мои крест целуют, что не брали у него этого браслета. Чего ж еще?

— Да, но... — Губной староста продолжал мяться.

— Может, ты расшиву хочешь осмотреть? — предложил кормщик.

— Пожалуй что, — обрадовался староста. — Я и два пристава со мной.

Трое вслед за кормщиком поднялись на расшиву. Остальные из приехавших со старостой, потеряв интерес к происходящему, вернулись в свою лодку, и лишь кудлатый остался на берегу с Шелягой и Ванькой.

— Ребятаушки, — взмолился он, — бог с ним, с этим старостой, вы на него внимания не обращайтесь. Заплатил я ему, вот он и старается. Вы, если брали, уж верните мне браслет, я хорошо заплачу.

— И сколько ж стоит такая игрушка? — поинтересовался Шеляга.

— Пять, пять рублей дам. Семь...

— Эвон как... — крикнул Шеляга.

— Да не брали мы ниче... — Ванька лениво махнул рукой.

— Десять...

— Эх! — жалобно вздохнул Ванька. — Кабы знал, так я бы точно исхитил его у тебя. За десять-то рублей... Да за эти деньги я и родных отца с матерью продам. Эх, жаль, что нет у нас твоего браслета. Пойдем, Шеляга.

С этими словами он отвернулся от кудлатого и, сопровождаемый своим товарищем, направился к тропинке, ведущей на верх обрыва.

Губной староста с приставами же прошлись по всей расшиве и даже по предложению кормщика заглянули в трюм, по завязку набитый зерном. Староста даже, изображая дотошность, запустил в зерно руку по локоть, пошурудил там и, понятно, ничего не найдя, с виноватым видом обратился к кудлатому, так и стоящему на берегу:

— Нет у них ничего...

Кудлатый с досадой махнул рукой и направился к лодке.

— Вы уж без обид... — молвил губной староста, обращаясь к кормщику. — Город наш молодой, так что мы каждому купцу рады. А уж таким, как Митряевы... Приходите и на следующий год.

— А чего на следующий, — ответил кормщик. — Я и в этом еще успею конец сделать. Зерна ныне много.

— Вот это дело. А с браслетом этим... Не обращайтесь внимания.

— Да уж... Странно только, чтоб за простой оловяшкой губной староста погоню снаряжал да за столько верст гнался...

— Вы уж без обид. Человек уж очень сильно просил. Дорог чем-то ему браслет этот. Промашка вышла, извините. — Эти слова староста произнес, уже сойдя с расшивы на берег.

Кормщик дождался, пока нежданные гости загрузились в свою лодку и отошли вверх по течению на сотню сажен, после чего гаркнул во всю мощь своей глотки:

— Эй, Шеляга, пошли караульных на расшиву!

Над высоким берегом уже поднималась струйка белесого дыма, свидетельствующая о том, что проголодавшейся команде еще засветло удастся поужинать.

Саламата — горячая подсоленная мучнистая масса, похожая на клейстер, — Валентину явно не пошла впрок. Душа отказывалась принимать. Зато уха из выловленных бреднем пескарей и плотвичек очень даже врачевала его ноющий желудок, истерзанный пьянством. За ухой последовали пять крупных раков и добрый карась, испеченные для него Ванькой прямо на углях. То ли от волнения, то ли от свежего воздуха, но аппетит у Валентина проснулся волчий.

— Вот Михайла наш разъелся сегодня, что твой поп, — беззлобно подтрунивал над ним Шеляга под дружный хохот сидевших вокруг гребцов. — А то обычно и не ест ничего, так, похлебают чуток... Значит, водочка на пользу пошла. — Новый взрыв хохота. — Или ты, Михайла, медком баловался?

— Медом, наверное, — ответил Валентин, вспомнив липкую от сладкого посуду.

— На-вер-но, га-га-га...

— Ты доедай карася-то, — продолжал простодушный Шеляга, вообразивший себя великим остроумцем. — Рыжий-то для тебя особо старается. Прощение вымолить хочет за то, что по башке тебя сегодня огрел.

— Га-га-га...

— Это ж он тебя после того, как ты мне засветил, — объяснял Шеляга. — Ну я вам скажу, робяты, и удар у нашего Михайлы. Тощшой, тощшой, а кулак чижол. Как дал мне в нос, так я с копыток долой.

— Га-га-га...

Валентин держал перед собой за голову и хвост почти обглоданный скелет карася, когда вдруг почувствовал — все, насытился.

— Не могу больше. — Он виновато посмотрел на Ваньку и улыбнулся. — Спать хочется.

— Га-га-га, не может больше... — Этим, кажется, палец покажи, они ржать будут.

— Ладно, будет вам ржать, — постарался урезонить со товарищей Ванька. — Ну устал человек. Пойдем, Михайла, я тебя на расшиву провожу.

Провожаемые дружным хохотом, они двинулись от костра в темноту, к реке. Отяжелев от горячей пищи, Валентин почувствовал, будто опьянение вновь вернулось к нему. Несильное, но все же. Однако едва они отошли за ближайшие кусты, как Ванька шепнул Валентину на ухо такое, что у него тут же испарились и остатки хмеля, и общее сытое благодущие.

— Михайла, браслет-то у меня. Я его не отдал, хотя тот мужик десять рублей мне за него предлагал. Я-то тебя когда по башке треснул, так он у тебя из кулака и выпал. А я подобрал и спрятал. Думал, твой, хотя допрежь его у тебя и не видел. Но ты не беспокойся, я никому не сказывал. Шеляга и тот не видел. Браслет-то я тебе отдам, но с тебя десять рублей. Это я по дружбе, сам понимаешь. Я ведь мог тому отдать...

— Хорошо, хорошо, — поспешно согласился Валентин. — Где он?

— А там, где мы с тобой лежали по-над берегом. Я дерн ножом вскрыл и под него браслет спрятал.

— Пойдем, достанешь его. Деньги я отдам тебе дома. Здесь у меня столько нет.

— Понятное дело.

Чего стоят здесь десять рублей, Валентин, естественно, точно не знал. Но сообразил, что это огромная, несообразно большая сумма. По косвенным признакам они с Лобовым не промахнулись и он попал во времена Ивана Грозного. В его памяти всплыл один фактик из курса истории России, который ему довелось прослушать лет шесть назад. В те времена полугодовая дань с Ливонии составляла десять тысяч рублей. Это с нынешних Эстонии и Латвии вместе взятых! А тут за дешевенький браслет из олова — десять рублей.

— Ну нашел?

Ванька ползал на карачках и гладил траву руками в поисках своего схрона, уже не один раз проходя по одному и тому же месту. Валентин стоял рядом и время от времени подгонял его.

— Да темно же... Завтра с восходом найду.

— Нет, сейчас, — настаивал Валентин. — Иначе ничего не получишь.

То ли эта угроза возымела действие, то ли случай помог, но Ванька почти сразу же воскликнул:

— Нашел!

Валентин почти выхватил у него браслет из рук и спрятал его за пазуху.

— Про деньги, про деньги-то не забудь.

— Не забуду. Как вернемся домой, отдам.

Валентин развернулся и побежал к тропинке, ведущей вниз к расшиве.

Он решил не ложиться в палатке (спящий там же Ермил так громко сопел, что заснуть не было никакой возможности) и вытащил свой матрас под открытое небо, подальше от шумного приказчика. Вытянулся на матра-

се, потом пару раз повернулся в поисках удобной позы. Сейчас главное — быстро заснуть и смыться. Объект неперспективен. Социальное положение — хуже было бы только попасть в крестьянина или, положим, в гребца. Полезные навыки отсутствуют. Возраст — вроде ничего, но здоровье и телосложение — тоже хуже некуда. И самое неприятное — Валентину так и не удалось нащупать собственное сознание этого алкоголика.

Он еще раз повернулся на бок и сам не заметил, как уснул. Плотный белый туман, клубясь, начал наползать со всех сторон, заполняя собой весь его сон. Валентин скользнул в этот туман, оставляя тело объекта, и легко и быстро поплыл туда, где ждал его Лобов.

II

В Крыму уже закончился бархатный сезон; посвежевший ветер гнал по враз опустевшим улицам Ялты облетевшие с деревьев листья, а с тротуаров и из скверов убрали временные летние кафе, когда Валентин получил наконец весточку от Лобова. Значит, опасность миновала, в розыске он больше не значится и может смело возвращаться в Москву и приступить к работе. Для Валентина это было настоящим спасением, ибо курортная жизнь, что называется, достала его до самых печенок, а титанические усилия его матушки, предпринятые ею в области матримониальной, грозили ему скорой потерей личной свободы и независимости, так им лелеемой и охраняемой.

От первых кандидатур на роль будущей жены, предложенных матушкой, он просто небрежно отмахнулся. Но от такой линии поведения вскорости пришлось отказаться. После очередного визита очередной матушкиной подруги, случайно зашедшей с дочерью к ним на чашку чая, в очередной же раз проигнорированного Валентином, у него состоялся «серьезный разговор».

— Валя, ну нельзя же так наплевательски относиться к людям! — с места в карьер взяла его в оборот мать, когда

он в одиннадцатом часу явился домой. — Анна Степановна с Варенькой два часа тебя дожидались!

— Договаривались же, что ты в семь будешь дома! — сурово заявил отец, скалой возвышающийся над миниатюрной фигуркой своей супруги.

— Ах, извините, совсем забыл, — попробовал отбрехнуться Валентин и, воспользовавшись их секундной растерянностью от столь откровенной и бесцеремонной лжи, скрылся в своей комнате.

Но не тут-то было. Родители дружно встали на его пути.

— Не понимаю, — принялась возмущаться мать, — что тебе еще нужно, Валентин. Секиринские — замечательные люди. Варенька — красавица, умница, а родители ее — очень приличные люди. Сергей Генрихович — бизнесмен, уже третью гостиницу построил. Не очень большую, правда, на двадцать номеров. Но это даже и хорошо. Двадцать номеров — в самый раз. Олигархом с нее не станешь, но ее вполне достаточно, чтобы обеспечить своей семье достойное существование. Анна Степановна так и сказала, что Сергей Генрихович не хочет нанимать чужого человека в управляющие новой гостиницей. «Это будет Варенькино приданое. А руководить гостиницей Сергей Генрихович поставит Варенькиного избранника» — вот так прямо она и заявила.

— Мама, — простонал Валентин. — Не нужна мне Варенька Секиринская, не нужна мне гостиница в Ялте. У меня работа...

— Ах, сынок... Что ты говоришь? Ну при чем тут работа? Тебе уже скоро тридцать. Жениться все равно нужно. Почему бы и не на Вареньке?

— Сколько раз я вам уже говорил... — Валентин потихоньку начал раздражаться. — В Ялту я не собираюсь возвращаться! Я живу в Москве! И вообще, я — гражданин России!

— Какое это имеет значение, сынок, — отмахнулся отец. — Россия, Украина... Все равно...

— Как это все равно? Кому все равно? — возмутился

Валентин. Он мгновенно ухватился за эту внезапно возникшую возможность с надеждой увести под шумок их дискуссию с магистрального направления. — Украина постоянно ведет себя как государство, потенциально враждебное России. Чего стоит одно только ваше стремление вступить в НАТО!

— Это Украина-то враждебное? — с полоборота завелся отец. — Да малороссы и великороссы испокон веков...

Но мать в отличие от отца на такой дешевый трюк не купилась.

— Пойдите, пойдите! Мы не о том сейчас говорим! Валентин! Не хочешь возвращаться в Ялту, женись на Вареньке и забирай ее с собой в Москву. А гостиница... Что ж... Она вам не мешает. Мы с отцом за ней присмотрим. Все вам лишний рублик будет. Зачем же от этого отказываться?

— Мама! — Валентин, казалось, уже готов был впасть в истерику. — Не нужна мне никакая гостиница! И Варенька Секиринская тоже не нужна! Я ее знать не знаю и знать не хочу!

— Хорошо, — неожиданно легко согласилась мать. — Не хочешь Вареньку, я тебя с другой девушкой познакомлю. — В этой гонке на каждом возможном повороте она, похоже, уже заранее выставила свой знак, ограничивающий скорость. — На сегодняшний день у меня подготовлено шесть вполне достойных кандидатур. Женись — не хочу.

— Я не могу жениться! — от отчаяния ляпнул Валентин. — Не имею права!

На мгновение в прихожей, где и велась эта беседа, воцарилась недоуменная тишина.

— То есть как это? — наконец-то проронила мать. — Как это не можешь жениться?

— А ты, сынок, случаем, не этот?... — растерянно пробасил отец.

— Н-не... гей? — добавила мать.

У Валентина мелькнула в мозгу мыслишка — взять да и ответить утвердительно на этот их вопрос. Пожалуй, это

был бы самый кардинальный способ избавиться от назойливых попыток предков отправить его в ЗАГС с одной из подобранных матушкой девиц. Но трехсекундного размышления на эту тему ему хватило, чтобы отвергнуть столь кардинальный метод. Все-таки Ялта — это вам не Лондон и не Берлин. Бог его знает, к чему может привести заявление подобного рода. Реакция родителей на него была непредсказуема и вполне могла привести к самым неожиданным для Валентина последствиям.

— Как вы только могли такое подумать! — с деланным возмущением воскликнул он. — И это мои родители!

— Ф-фу... — с облегчением выдохнул отец. — Меня аж чуть удар не хватил.

— Да, но... Все же я не понимаю, что может тебе мешать, Валя, если ты не... Если у тебя все в порядке. — Это уже матушка. Несмотря ни на что, продолжает гнуть свою линию.

Валентину срочно предстояло что-то придумать.

— Я ж вам говорю — работа, — не очень уверенно сказал он.

— Что же за работа у тебя такая, что нормальному здоровому парню жениться не позволяет? — в один голос воскликнули отец с матерью.

Валентин выдержал небольшую паузу и, сделав полшага вперед, вполголоса произнес:

— Я работаю в спецслужбе.

— Ну и что? — искренне удивился отец. — Вон сосед Василий Трофимыч в державной безпеке¹ служит. Так уже в третий раз женился.

— Это не обычная спецслужба. — Валентин продолжал говорить вполголоса, постаравшись напустить на себя как можно больше таинственности. — Это разведка. Я спецагент. Меня готовят для нелегальной работы. В любой момент меня могут услатить в какой-нибудь Гондурас.

— Ой, — тихонько ойкнула мать, прикрыв рот сразу обеими ладошками.

¹ Державная безпека — государственная безопасность (укр.).

— Так ты что же, сынок, и по-гондураски умеешь? — вполголоса поинтересовался отец.

— Папа, я же восемь языков изучал. А в Гондурасе, между прочим, говорят по-испански. — Это было чистой правдой. Валентин действительно изучал восемь языков, включая испанский. Правда, утверждать, что он их изучил, не взялся бы даже он сам. — И вот ушлют меня на нелегальную работу лет на тридцать... — Валентин продолжал развивать наступление, пока противник пребывал в состоянии шока после предпринятой им артподготовки. — А то и до конца жизни... А у меня, понимаешь, останется в Москве несчастная жена, еще, не дай бог, с ребенком на руках...

— Что ты, Валечка, — быстро-быстро зашептала мать, — почему «не дай бог»? Ребеночек — это так хорошо. Мы воспитаем его, заменим ему тебя. Правда, отец?

— Угу...

— Нет. — Валентин покачал головой. — В разведке так не принято. Нехорошо девушек обманывать. Ведь, выйдя за меня замуж, она фактически может вскорости стать вдовой при живом муже.

— А как же Штирлиц? Помнишь, отец, ему в «Семнадцати мгновениях весны» жену на встречу привезли? Помнишь? Они сидели в кафе и смотрели друг на друга. Там еще музыка играла такая замечательная: та-та-та, ла-ла-ла... Помнишь?

— Угу...

— Так то в кино, — сказал, как отрезал, Валентин. — В реальной жизни так не бывает. Никаких встреч.

Победа была полной. Валентин торжествовал. Теперь предки до конца отпуска отстанут от него с этой дурацкой женитьбой. Но эта его уверенность улетучилась, как дым, уже следующим утром. Завтракать он уселся в самом радужном настроении. Мать, узнавшая вчера, что, возможно, в ближайшем будущем их ждет расставание с любимым сыночком на многие десятилетия, была еще нежнее и заботливее, чем обычно.

— Спасибо, — поблагодарил Валентин, дожевав последнюю оладью и допив чай.

— Какие у тебя планы на сегодня, сынок? — поинтересовалась мать.

— Как обычно, пляж. Там встречу с Витькой Сомовым. Он пару дней назад тоже домой в отпуск приехал.

— А потом?

— Ну... Потусуемся на пляже, может, познакомимся с кем-нибудь. Потом куда-нибудь ходим. А что?

— Познакомимся с кем-нибудь — это в смысле с девушками?

— Ну да... Мам, ну что, я тебе должен все рассказывать?

— Нет-нет, сынок... Просто я подумала, что все равно с девушками ты встречаешься... Кстати, надеюсь, ты не забываешь позаботиться о своем здоровье? Ведь случайные связи...

— Ма-ам...

— Хорошо, хорошо. Просто я подумала, что зачем тебе встречаться с совершенно незнакомыми, случайными людьми? Кроме заразных болезней, ничего от этих встреч ждать не приходится. А я бы тебя познакомила с очень достойными девушками.

— Мама, мне не нужны достойные...

— Почему же, Валя? Жениться, как мне кажется, лучше все-таки на достойной.

— Снова здорово. Я же объяснил вчера, почему не могу жениться.

— Знаешь, Валентин, мы с папой сегодня всю ночь это обсуждали. И вот к какому мнению пришли. Ведь тебя же не завтра отправляют? Нет?

— Нет.

— Ну вот. А может быть, и еще на годик-два задержаться. А за это время у нас уже внук появится. И хорошо, что девушка из Ялты будет. Ребеночка, значит, обязательно сюда привезет. Будет нам с отцом хоть какая-то отрада. Ведь ты ж там будешь, в этом своем Гондурасе, а мы тут совсем одни-и... — Мать расплакалась.

Валентин поднялся, обнял ее за плечи, неуклюже пытаясь утешить:

— Будет тебе, мам. Может, еще и не скоро Гондурас-то...

— Вот-вот, и я о том же, — сразу же ухватилась за его слова мать. — Женись, Валя...

— Так нехорошо же девушек обманывать, — попробовал прибегнуть к последнему аргументу Валентин.

— А мы и не будем обманывать. Мы им просто всей правды говорить не станем.

Ну что тут будешь делать с такой вот постановкой вопроса? Валентин понял, что если он откажет матери и на этот раз, то попросту разобьет ей сердце. Пришлось ему знакомиться с ее «кандидатурами», проводить с ними время, изображая процесс ухаживания, как и положено послушному сыну. Хорошо еще, что модель поведения «очень достойных» мало чем отличалась от модели поведения «совершенно незнакомых и случайных», не то Валентин совершенно закис бы от скуки. И так — до самого конца отпуска, пока наконец-то не пришел вызов от Лобова.

Границу между Украиной и Россией Валентин пересек на поезде. Погранцы в его сторону и носом не повели, чего конечно же и стоило ожидать. Однако ж у Валентина легкое волнение присутствовало. Мало ли... Встречал его Лобов, как обычно, на стоянке, в своей «тойоте». К удивлению, в машине он был не один.

— Здравствуй, Валентин, — приветствовал его Лобов так, как будто они расстались только вчера и совсем не при экстремальных обстоятельствах. — Знакомься, это Саша Ракитин. Саша, это Валентин Василенко.

Они пожали друг другу руки. Вообще-то Валентин с Ракитиным был заочно знаком. Он как раз проходил процесс восстановления, когда Саша впервые отправился в прошлое. То есть видеть-то его он видел, но только спящим. Общаться же им друг с другом еще никогда не доводилось.

— Ну что, Роман Михайлович, теперь можно в прошлое дуэтом, а? Мы там таких дел наворотим! Да, Саш?

Оттого, что закончилась его вынужденная временная ссылка, от ощущения скорой возможности интересной и опасной работы Валентин испытывал такой душевный подъем, что ему хотелось затискать в объятиях близких и родных людей, боевых товарищей Лобова и Ракитина. Жаль, что с ними не было Веры. Уж с ней бы он точно расцеловался, не то что с этими буками. Лобов был занят — крутил баранку, выезжая на Земляной Вал (лезть к нему с такими нежностями сейчас было бы несколько странно), а Ракитин смотрел на Валентина так, как будто перед ним был не живой человек, а промытое до состояния абсолютной прозрачности стекло. Валентин даже слегка опешил.

— Роман Михайлович, случилось что-то? С кем? С Ниной Федоровной? С Верой?

— С чего ты взял? — удивился Лобов, на мгновение оторвавшись от дороги, где в вялотекущем заторе его пытались одновременно притереть и справа и слева. — Все нормально. У нас даже есть определенные успехи. Саша поделился бы с тобой, если б ему сейчас не уезжать. Но ничего. Сейчас отвезем его на Ленинградский вокзал и поедем на базу. Мы теперь переехали в санаторий. По дороге я все тебе и расскажу. А Саша... Саша! — громко позвал его Лобов.

— А... Да, Роман Михайлович, — отозвался тот сзади.

Валентин, перегнувшись назад, с удивлением разглядывал его. Ракитин производил странное впечатление. Он вроде бы был здесь и в то же время — где-то в другом месте. Почти как в слиперском полете.

— Саша, — продолжил Лобов, бросив быстрый взгляд в зеркало заднего вида, — Валентин предлагает попробовать полет в прошлое дуэтом, а я ему объяснил, что ты уезжаешь сейчас в Питер, к матери, чтобы немножко там отдохнуть.

Ничего такого Лобов Валентину не говорил, но Ракитин совершенно не обратил на это внимания. Но эти слова Лобова все-таки произвели на него определенное впе-

чатление. Он даже, можно сказать, загорелся этой идеей, если термин «загорелся» применим вообще к человеку, находящемуся в состоянии общей вялости и апатии.

— Я согласен, Роман Михайлович, не хочу я отдыхать. Я ж вам сразу предлагал отправить меня снова на задание.

— Ну-ну-ну, не горячись. Еще успеешь на задание. К матери тебе надо по-любому. И отдыхать там будешь два месяца, не меньше. Чтобы раньше и носа не показывал. И еще... Саша, с идеей вернуть отцовскую фамилию надо будет еще погодить.

— Помню я, Роман Михайлович, помню все, что вы говорили.

— Ничего, повторение — мать учения. А вот с переездом в Москву... Этим как раз и займись. Нужны будут деньги — сообщай. Канал связи...

— Помню, Роман Михайлович.

— И постарайся все-таки отвлечься, Саша. Не зацикливайся на своем...

— Хорошо, Роман Михайлович.

— Ты еще молод, Саша. Вся жизнь впереди. И... Мы на войне. А ты разведчик, Саша. На войне, сам знаешь, часто приходится терять близких людей. И это не первый раз и, к сожалению, не последний.

— Не надо, Роман Михайлович. Я все понимаю.

«Черт, какие сложности тут... И все это без меня... Жизнь, похоже, здесь била ключом, пока я на пляже пузо грел да курочек обхаживал», — сообразил Валентин. Он улыбнулся как можно более открыто и доброжелательно и протянул Ракитину руку. Тот пожал ее, и на этот раз это было рукопожатие живого человека, а не зомби, сознание которого витает в иных мирах.

— Ничего, — сказал Валентин. — Слетаем дуэтом в другой раз. А то еще, может быть, у меня два месяца как раз уйдут на пробы и испытания. Я-то в прошлое не летал еще ни разу.

— Ничего. — Ракитин тоже улыбнулся. — Все у тебя получится. Михалыч поможет, в случае чего. У нас уже определенный опыт наработался. — Любов в этот момент

остановил машину недалеко от вокзала. — Ну удачи тебе, Валентин. А вернусь — сразу подключусь к тебе.

Ракитин, подхватив на плечо дорожную сумку, скрылся в здании вокзала, а Лобов с Валентином, преодолевая московские заторы и пробки, отправились на базу.

— А чего он такой?.. Подмороженный как будто. А, Роман Михайлович? Или он всегда такой? — поинтересовался Валентин, когда они с Лобовым остались одни.

Лобов ответил не сразу, как бы взяв небольшую паузу на размышления, прежде чем ответить на этот простой с виду вопрос.

— Каждое новое дело начинается в темноте неопытности и недостатка знаний, на ощупь. А даже в нашем новом деле Саша Ракитин — первопроходец. Вот говорят, что в авиации наставления и правила безопасности при выполнении полетов написаны кровью погибших летчиков. Наши правила пишутся тоже кровью. И вот тебе первое и главное правило слипера, путешествующего во времени: никогда и ни при каких обстоятельствах не вступать в близкие отношения, подразумевающие определенную эмоциональную привязанность, с людьми прошлого. Для нас они не люди, а всего лишь объекты нашего прямого или косвенного воздействия. Нет... Они, конечно, люди, но... Нельзя ни на секунду забывать, что они уже умерли сотни лет назад. Их судьбы уже давно состоялись. И потому для нас они не равноценны нашим современникам. Короче говоря, к ним неприменимы общечеловеческие, гуманистические принципы и нормы. Понимаешь? Это как персонажи в кинофильме, который ты смотришь. Можно испытать определенный эмоциональный всплеск, глядя сегодня на историю любви несчастных Ромео и Джульетты, можно даже пережить катарсис при просмотре того или иного художественного произведения. Нельзя только допустить, чтобы кино вмешивалось в твою жизнь! Понимаешь, Валентин?

— Насчет правила понимаю, а вот какое это все имеет отношение к Ракитину — пока не очень.

— Саша был первым, кто это правило нарушил. Вер-

нее, именно его опыт и позволил сформулировать это правило. Дело в том, что, будучи в четырнадцатом веке, он... влюбился. Более того, он женился на этой женщине.

— Ох, ничего себе! Ну за меня в этом смысле можете быть спокойны, Роман Михайлович, — уверенно заявил Валентин. — Если уж моей матушке не удалось меня на этот раз оженить, то уж не знаю, что должно со мной случиться, чтобы я кому-нибудь сдался. Так что если кто нарушит ваше главное правило, то только не я.

— Что, пришлось пережить тотальный прессинг? — Повернувшись к Валентину, Лобов хитро улыбнулся.

— Не то слово, еле отбился. Что поделаешь, люди мыслят старыми категориями, категориями семьи и семейных ценностей. А в современной действительности, в действительности постмодерна, человек должен жить один, сотрудничая с другими лишь по мере необходимости для достижения той или иной цели.

— Хм-м, это твоя жизненная философия?

— Почему только моя? А разве она и не ваша тоже?

— Н-ну... — Лобов с сомнением покрутил головой. — Я бы не был столь категоричен в подмене любви взаимовыгодным сотрудничеством.

— Это в теории, а на практике вы вполне со мной солидарны. В свои сорок пять семью так и не завели, предпочитая семье работу.

— Был у меня в молодости небольшой, но отрицательный опыт по этой части, — обронил Лобов, то ли подтверждая, то ли опровергая слова Валентина.

— Вот-вот. Вы пришли к той же самой жизненной философии методом проб и ошибок, а я — чисто теоретическим путем.

— Дураки учатся на своих ошибках, а умные — на ошибках дураков. — Лобов вновь ухмыльнулся, бросив хитрый взгляд на расфилософствовавшегося Валентина.

— Это не я. Это вы сказали. Я же всего лишь ваш ученик. Согласитесь, записывать в дураки собственного учителя, которого к тому же избрал добровольно, — несколько нелогично.